

# Жизнь и цель собаки

**Автор:**

[Брюс Кэмерон](#)

Жизнь и цель собаки

Брюс Кэмерон

Брюс Кэмерон написал увлекательную, веселую и трогательную книгу о жизни собаки, а еще – о человеческих взаимоотношениях и неразрывных связях между хозяином и его четвероногим другом, о том, что любовь никогда не умирает, что наши истинные друзья всегда рядом и у всех нас есть свое предназначение. Главный герой этой книги – собака, которая, всякий раз рождаясь заново, обретает счастье в служении человеку: самоотверженной Сеньоре, одинокому мальчику Итану, потерявшей веру Майе или трогательной Венди. Брюс Кэмерон убеждает нас в том, что собаки способны на такие чувства, которые доступны далеко не каждому человеку. Чтобы доказать это, иногда собаке приходится побывать в разных шкурах, храбро встречать все невзгоды и, главное, никогда не терять из виду своего хозяина. Даже если их разделяют несколько жизней.

Брюс Кэмерон

Жизнь и цель собаки

William Bruce Cameron

A Dog's Purpose

Copyright © 2010 by W. Bruce Cameron

Перевод с английского А. Андреева

© Андреев А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

\* \* \*

Для Кэтрин

За то, что ты делаешь, за то, что ты есть

Благодарности

Столько людей так или иначе помогали мне добраться от старта до того места, где я оказался теперь!.. Даже не знаю, с кого начать перечислять их всех – а остановиться будет еще сложнее. В связи с этим позвольте официально заявить: я прекрасно понимаю, что как писатель и как человек нахожусь в процессе становления и являюсь суммой того, что выучил и что пережил, и что я всем обязан людям, которые меня учили и поддерживали.

Считаю необходимым назвать несколько работ, по которым я изучал, как мыслят собаки. «Dogwatching» Десмонда Морриса. «What the Dogs Have Taught Me» Элизабет Маршалл Томас. «Search and Rescue Dogs» Американской ассоциации поисково-спасательных собак. А еще работы Цезаря Милана, Джеймса Херриота, доктора Марти Беккер и Джини Спадафори.

У меня ничего не получилось бы без поддержки моей семьи, особенно родителей, которые всегда верили в мои писательские способности, несмотря на

два десятилетия отрицательных отзывов.

Верил в меня и мой агент, Скотт Миллер из «Trident Media»; он не бросил ни эту книгу, ни меня. Усилия Скотта привели меня в «Tor/Forge» и к моему редактору, Кристин Севик, чья вера в «Жизнь и цель собаки», вкупе с внимательным глазом и твердой рукой мастера, очистили и улучшили роман. Работать с Кристин и остальными в «Tor/Forge» – настоящее удовольствие.

Когда я пишу эти строки, книга еще не ушла в печать, а уже столько людей потрудились в ее поддержку. Шерил Джонстон – прекрасный специалист по рекламе и «ужас за рулем». Лиза Нэш, которая задействовала свою обширную сеть, чтобы поддержать мою книгу. Базз Янси, который пытался устроить ажиотаж. Хиллари Карлип, которая перестроила wbrucescameron.com и создала adogspurpose.com, добившись небывалого успеха. Эми Кэмерон, которая, основываясь на многолетнем преподавательском опыте, написала пособие для любого учителя, который захочет использовать «Жизнь и цель собаки» в классе. Джеффри Дженнингс, необыкновенный книгопродавец, который одобрил затею с самого начала. Лиза Зупан, которая делала все.

Спасибо всем редакторам, предоставившим мне колонку в своих газетах, несмотря на неустойчивое состояние отрасли. Особое спасибо «The Denver Post», которые взяли меня к себе после печальной кончины «Rocky Mountain News». Спасибо Энтони Цюрхеру за прекрасную редактуру моей колонки.

Спасибо Брэду Розенфельду и Полу Уайтцману из «Preferred Artists» за то, что выбрали меня, и Лорен Ллойд за то, что всем руководила.

Спасибо, Стив Янгер и Хейс Майкл, за юридическую работу – хотя до сих пор считаю, что нужно давить на невменяемость.

Спасибо, Боб Бриджес, за непрерывное добровольное выкусывание ошибок и опечаток в моей колонке. Мне бы очень хотелось платить в сто раз больше, чем сейчас.

Спасибо, Клер ЛаЗебник, за то, что согласилась поговорить со мной о писательском мастерстве.

Спасибо, Том Рукер, за все, что ты делаешь – не знаю, как это назвать.

Спасибо большому Элу и Эви, что вложились в мою «гениальную» карьеру.  
Спасибо, Тед, Мария, Джейкоб, Майя и Итан, что хвалили мою чушь.

Спасибо всем в Национальном обществе газетных обозревателей за то, что пытались спасти нас от Красной Книги вымирающих видов.

Спасибо, Джорджия Ли Кэмерон, что познакомила меня с миром собак-спасателей.

Спасибо, Билл Белша, за то, что ты сделал с моей головой.

Спасибо, Дженнифер Альтабеф, что оказывалась там, где была нужна.

Спасибо, Альберто Алехандро, что почти в одиночку сотворил из меня автора бестселлера.

Спасибо, Курт Хэмилтон, что заставил меня убедиться: ничего страшного с трубами не случилось.

Спасибо Джули Сайфер, за то, что всем со мной делилась.

Спасибо, Марсия Уоллес, мой любимый персонаж.

Спасибо, Норма Вела, за здравый смысл.

Спасибо, Молли, что водила машину, и Сьерра, что разрешила.

Спасибо, Мелисса Доусон, за окончательную редакцию.

Спасибо, Бетси, Ричард, Колин и Шарон, за то, что во все влезали и что пытались научить меня танцевать румбу.

Первая, кому я рассказал историю, была Кэтрин Мишон. Спасибо, Кэтрин, что настояла, чтобы я написал «Жизнь и цель собаки».

Теперь я понимаю, почему так многие на церемонии «Оскара» все еще говорят, когда начинается музыка: список тех, кого я хочу поблагодарить, просто бесконечен. Так что позвольте мне остановиться тут, на заключительной ноте: я признателен за жертвенный и неутомимый тяжкий труд мужчин и женщин, которые работают в службе спасения животных, помогают потерявшимся, брошенным и подвергшимся насилию домашним питомцам обрести новую счастливую жизнь в любящей семье. Вы все ангелы.

1

Однажды мне стало ясно, что теплые, визгливые, вонючие существа, копошащиеся рядом со мной, это мои братья и сестра. Я был очень разочарован.

Хотя глаза мои различали пока только смутные очертания, я знал, что большая и прекрасная фигура с длинным замечательным языком – моя мать. Я выяснил, что если холодный воздух кусает кожу, значит, Мать куда-то ушла, а когда возвращается тепло, значит, пора есть. Часто, чтобы найти место, где можно сосать молоко, приходилось распахивать то, что оказалось моими сородичами, которые пытались лишить меня моей доли – это раздражало. Я не понимал, в чем смысл существования братьев и сестры. Когда Мать лизала мне живот, чтобы из-под хвоста текла жидкость, я моргал ей, беззвучно умоляя: «Пожалуйста, избавься от остальных щенков, ради меня одного». Я хотел ее всю.

Постепенно я начинал различать других собак, с недовольством принимая их присутствие. Нос подсказал мне, что у меня есть сестра и два брата. Сестра лишь немного меньше братьев хотела возиться со мной. Одного я называл Шустриком, потому что он всегда двигался быстрее меня, второго Обжорой, потому что он принимался скулить, стоило Матери уйти, и сосал ее с таким отчаянием, словно ему все время было мало. Обжора спал больше остальных, поэтому мы частенько прыгали на него и кусали за морду.

Наше логово таилось под черными корнями дерева; в жаркие дни там было прохладно и темно. В первый раз я выбрался на солнечный свет с Сестрой и Шустриком, и, естественно, Шустрик меня опередил.

Из нас четверых только у Шустрика на мордочке было белое пятно, похожее на звездочку, которое ярко сияло на солнце, когда он весело шагал вперед. «Я – особенный», – словно кричало оно миру. В остальном его шкура была пятнистая, коричнево-черная, как и у меня. Обжора был чуть светлее нас. Сестра унаследовала от Матери короткий нос и плоский лоб, но мы все выглядели более или менее одинаково, не считая выскочки Шустрика.

Наше дерево находилось на берегу ручья, и я обрадовался, когда Шустрик кувыркком свалился вниз; впрочем, мы с Сестрой, попробовав спуститься, также рухнули без особой грации. Скользкие камни и тонкая струйка воды принесли восхитительные запахи, и мы по сырой тропинке добрались до влажной прохладной пещеры – дренажной трубы с металлическими стенками. Я чутьем понял, что в этом месте хорошо прятаться от опасности. Мать не обрадовалась находке и бесцеремонно отволокла нас в Логово, когда оказалось, что наши лапы еще не достаточно сильны, чтобы поднять нас наверх. Мы усвоили, что не можем сами вернуться к Логову, если спустимся с берега, так что едва Мать ушла, мы тут же спустились снова. На этот раз к нам присоединился Обжора, который, добравшись до трубы, свернулся в прохладной грязи и уснул.

Мать, потеряв терпение, встала на ноги, когда мы еще не наелись; наверняка в этом виноваты мои родичи. Если бы Обжора не был таким ненасытным, а Шустрик – таким настырным, если бы Сестра меньше вертелась, Мать наверняка лежала бы спокойно и разрешала нам набивать животы.

Часто Мать вылизывала Обжору больше остальных, и я возмущался такой несправедливости.

Шустрик и Сестра переросли меня – вернее, туловище было того же размера, но мои лапы были короче. Обжора, конечно же, был самым мелким в помете.

Поскольку Шустрик и Сестра были заняты друг другом больше, чем остальными, я в отместку лишал их своей компании, забираясь глубоко в трубу. Однажды я принюхивался к чему-то восхитительно мертвому и гнилому, когда прямо у меня перед носом в воздух взвилось маленькое животное – лягушка!

Я с восторгом бросился вперед, стараясь накрыть ее лапами, но лягушка снова прыгнула. Она испугалась, хотя я собирался только поиграть – и возможно, не стал бы ее есть.

Шустрик и Сестра почувствовали мое возбуждение, бросились в трубу, повалив меня, и затормозили в липкой воде. Лягушка прыгнула, и Шустрик ринулся за ней, используя мою голову вместо трамплина.

Сестра и Шустрик, борясь друг с другом, пытались схватить лягушку, но та плюхнулась в большую лужу и поплыла быстрыми короткими гребками. Сестра сунула мордочку в воду и чихнула, обрызгав Шустрика и меня. Шустрик забрался на спину Сестре, забыв про лягушку – мою лягушку!

Я грустно отвернулся. Похоже, я живу в семье тупиц.

Часто потом я вспоминал лягушку – обычно, когда засыпал: пытался представить, какая она на вкус.

Мать все чаще тихонько рычала, когда мы лезли к ней, а в тот день, когда она предупреждающе клацнула зубами, стоило нам сунуться жадной толпой, я в отчаянии понял, что сестра и братья все испортили. Шустрик подполз к ней на животе, и Мать опустила к нему морду. Он лизнул ее в губы, и она в награду пустила его к животу. Мы бросились за своей долей. Шустрик отпихнул нас, но мы уже поняли, в чем трюк; и когда я обнюхал и облизал мамину пасть, она дала мне поесть.

К тому времени мы хорошо исследовали русло ручья, бродя вдоль него, так что все вокруг было пропитано нашими запахами. Мы с Шустриком почти все время уделяли серьезным делам – играли, и я начал понимать, как важно для него в игре оказаться сверху, покусывая меня за горло и морду. Сестра уже не спорила с ним, но порядок, принятый другими в нашей стае, по-прежнему не казался мне справедливым. Обжору, разумеется, совсем не беспокоил его статус, так что я, расстроившись, кусал его за уши.

Однажды вечером я спросонья наблюдал, как Сестра и Шустрик раздирают найденную где-то тряпку, когда мои уши наострились – приближалось большое шумное животное. Я вскочил на ноги, но прежде чем успел направиться к ручью – выяснить, что за шум, – рядом со мной возникла Мать. Ее тело тревожно напряглось. Я с удивлением отметил, что она держит в зубах Обжору – то, от чего мы отказались несколько недель назад. Мать завела нас в темную трубу и легла, прижав уши. Все было понятно, и мы послушно отползли от выхода из тоннеля.

Когда существо, шагающее вдоль ручья, показалось, я почувствовал, как страх пробежал по спине Матери. Существо было большое, на двух лапах, и из его рта вырывался едкий дым.

Я смотрел, совершенно завороженный. Почему-то меня тянуло к этому существу, я был очарован и напрягся, готовый выскочить приветствовать его. Однако Мать только раз взглянула на меня, и я передумал. Его нужно бояться и избегать любой ценой.

Так впервые я увидел человека.

Он даже не посмотрел в нашу сторону: поднялся по берегу и исчез из виду. Через несколько мгновений Мать выскользнула наружу и подняла голову, проверить – миновала ли опасность. Потом расслабилась и вернулась в трубу, чтобы ободряюще поцеловать каждого из нас.

Я выскочил наружу – решил посмотреть сам. К сожалению, от человека остался лишь тающий аромат дыма в воздухе.

Снова и снова в последующие недели Мать закрепляла урок, который мы получили в трубе: человека нужно избегать, во что бы то ни стало. Человека нужно бояться.

Когда Мать в очередной раз отправилась на охоту, нам было позволено идти с ней. Выбравшись из Логова, Мать двигалась робко и осторожно, мы остерегались открытых мест, крались вдоль кустов. Заметив человека, Мать замирала, готовая бежать. Белое пятно Шустрика, казалось, выдавало нас, как громкий лай, но никто не обращал внимания.

Мать научила, как раздирать тонкие пакеты за домами, быстро отбрасывать несъедобную бумагу и доставать кусочки мяса, черствые горбушки и огрызки сыра, которые мы жевали изо всех сил. Вкус был необычный, а запах восхитительный, но тревога Матери заразила и нас, поэтому мы ели быстро, ничего не оставляя. Почти сразу же Обжору вырвало, что мне показалось очень смешным, однако тут и мои внутренности скрутило.

Второй раз было легче.

Я знал, что есть и другие собаки, хотя сам не встречал никого, кроме моей семьи. Иногда, пока мы охотились, собаки лаяли на нас из-за заборов – в основном завидовали, что мы гуляем на свободе, а они заперты. Мать, конечно, никого из нас не подпускала к незнакомцам. Шустрик обычно немного сердился, что кто-то смеет лаять, когда он задирает лапу на их деревья.

А один раз я увидел пса в автомобиле! Пес высунул из окна голову, свесив язык, и радостно залаял, заметив меня, но я слишком поразился и, задрав нос, только недоверчиво принюхивался.

Легковушек и грузовиков Мать тоже избегала, хотя я не понимал, что в них может быть опасного, если там даже бывают собаки. Часто приезжал большой и громкий грузовик, чтобы забрать мешки с едой, которую нам оставили, – тогда еды не хватало пару дней. Мне не нравился этот грузовик и не нравились жадные люди, которые забирали всю еду себе, хотя и они, и грузовик пахли восхитительно.

Времени на игры оставалось меньше, ведь теперь мы охотились. Мать огрызнулась, когда Обжора попытался лизнуть ее в губы, надеясь на кормежку, и все стало ясно. Мы выходили, прячась от чужих глаз, и отчаянно разыскивали пищу. Я уставал и часто чувствовал слабость, поэтому даже не пытался сопротивляться, когда Шустрик стоял, положив голову мне на спину. Ладно, пусть он главный. Зато мои короткие лапы лучше годятся для низкого, стелющегося бега, которому учила Мать. Шустрик возомнил себя главным? Главная у нас Мать!

Мы все теперь еле помещались под деревом. Мать пропадала все дольше. Что-то говорило мне, что она не всегда будет присматривать за мной и однажды вообще не вернется.

Я начал задумываться, каково это – покинуть Логово.

День, когда все изменилось, начался с того, что Обжора заполз в трубу и лег, вместо того чтобы идти на охоту. Он тяжело дышал, язык свесился из пасти. Перед уходом Мать потыкалась носом в Обжору, а я обнюхал его, но он так и не открыл глаза.

Над трубой шла дорога, и на этой дороге мы однажды нашли мертвую птицу, которую начали грызть, пока Шустрик не подхватил ее и не убежал прочь. Несмотря на риск, что нас заметят, мы часто бродили по дороге в поисках птиц; этим мы и занимались, когда Мать в тревоге подняла голову. Тут мы услышали – приближается грузовик.

Не какой-нибудь, а тот самый, который с теми же звуками проезжал по нашей дороге туда-сюда несколько раз за последние дни. Он двигался медленно, с какой-то угрозой, словно охотился именно на нас.

Мы последовали за Матерью, когда она метнулась к трубе, но я, не знаю почему, остановился и оглянулся на чудовищную машину, помедлил несколько лишних секунд, прежде чем направиться в спасительный тоннель.

Эти несколько секунд все изменили: меня заметили. Грузовик, тихо дрожа, остановился прямо над нашими головами. Мотор чихнул и затих. Послышались шаги по гравию.

Мать тихонько заскулила.

Когда человеческие лица появились с обоих концов трубы, она, напрягшись, припала к земле. Люди показали зубы, хотя не похоже было, что они угрожают. У них были коричневые лица, черные волосы, черные брови и темные глаза.

– Вот они, – прошептал один. Не знаю, что это значит, но звуки казались мне естественными, как шум ветра, как будто я слушал человеческую речь всю жизнь.

Оба человека держали в руках шесты, теперь я видел ясно – шесты с веревочной петлей на конце. Мать обнажила клыки и бросилась, опустив голову, вперед, пытаясь проскочить между ног у человека. Мелькнул шест, раздался щелчок, – Мать завертелась, а человек потащил ее на солнышко.

Мы с Сестрой, съежившись, отступили, а Шустрик зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Потом до нас троих дошло: пусть сзади выход из трубы заблокирован, впереди-то путь свободен! И мы метнулись вперед.

– Бегут! – крикнул человек.

Оказавшись у ручья, мы растерялись – что делать дальше? Мы с Сестрой встали позади Шустрика – хотел быть главным, так пусть теперь разбирается.

Матери не было видно. Два человека стояли на разных берегах ручья, подняв шесты. Шустрик увернулся от одного, однако второй его поймал. Сестра сбежала, воспользовавшись суматохой; я же застыл на месте, глядя на дорогу.

Над нами стояла женщина с длинными белыми волосами, ее лицо покрылось морщинками от доброй улыбки.

– Тише, щеночек, все хорошо. Тише, маленький.

Я не убежал. Даже не двинулся. Я позволил веревочной петле скользнуть по моей морде и затянуться на шее. Шест потащил меня по берегу, потом человек ухватил меня за загривок.

– Все хорошо, хорошо, – пропела женщина. – Отпустите его.

– Убежит, – возразил мужчина.

– Отпустите.

Я следил за их разговором, понимая только одно: женщина – главная, хотя она старше и меньше обоих мужчин. Неуверенно хмыкнув, мужчина снял петлю с моей шеи. Женщина протянула мне руки: от жестких ладоней шел цветочный запах. Я обнюхал их, потом опустил голову. От женщины исходило ясное чувство заботы и внимания.

Когда она провела ладонью по моей шерсти, меня охватила дрожь. Хвост сам собой закрутился в воздухе; когда женщина вдруг подняла меня, я потянулся поцеловать ее лицо, вызвав веселый смех.

Но она тут же помрачнела: один из мужчин принес безвольное тело Обжоры. Мужчина показал его женщине, она печально заворковала. Потом мужчина отнес тело в грузовик и сунул под нос Матери и Шустрику, которые уже сидели в

железной клетке. Запах смерти, знакомый мне, как любое воспоминание, струился от Обжоры в сухом, пыльном воздухе.

Мы все осторожно обнюхали моего мертвого брата.

Люди стояли на дороге печальные. Они даже не знали, как сильно был болен Обжора с самого рождения.

Меня посадили в клетку; Мать неодобрительно фыркнула на запах женщины, которым пропиталась моя шерсть. Грузовик, качнувшись, снова поехал, и меня вскоре отвлекли чудесные ароматы, заполнившие кузов машины. Я ехал в грузовике! Я лаял от восторга, а Шустрик и Мать удивленно дергали головами. Я не мог сдержаться: ничего столь восхитительного не случилось со мной за всю жизнь, даже когда я почти поймал лягушку.

Шустрика, похоже, охватила печаль, и я не сразу понял, что Сестра, его любимая подруга, убежала и была потеряна для нас, как и Обжора.

Ясно, что мир сложнее, чем я думал. В нем были не только Мать, братья и сестра, не только прятки от людей, охота и игры в трубе. Гораздо более крупные события могли изменить все – события, которыми управляют люди.

В одном только я ошибался: нам с Шустриком еще предстояло в будущем встретить Сестру.

2

Куда бы мы ни направлялись на нашем грузовике, я чувствовал: там должны быть собаки. Клетка, в которой мы сидели, была наполнена запахами других псов, их мочой и калом, и даже кровью вперемешку с шерстью и слюной. Мать съежилась, выставив когти, чтобы не скользить на прыгающем полу; мы с Шустриком бродили по клетке, опутив носы, стараясь отличить запахи одной собаки от другой. Шустрик пытался пометить углы клетки, но стоило ему встать на три лапы, как резкий рывок грузовика валил его на пол. Один раз Шустрик чуть не рухнул на Мать, которая в ответ лишь куснула его. Я посмотрел на брата

с отвращением. Он что, не видит, как ей плохо?

В конце концов мне надоело обнюхивать собак, которых тут даже не было; я прижал нос к проволочной сетке и начал втягивать встречный ветер. Он напомнил о том, как первый раз я сунул нос в сочные мусорные баки, которые были для нас главным источником еды; там были тысячи непонятных запахов, и все они врывались в мой нос с такой силой, что я непрерывно чихал.

Шустрик убрался к другой стенке клетки и лег, не присоединившись ко мне, потому что это не он придумал это развлечение. Стоило мне чихнуть, как он бросал на меня угрюмый взгляд, словно говоря, что в следующий раз я должен попросить у него разрешения. И каждый раз я показывал глазами на Мать, которая, хоть и сжалась в комок от передраги, оставалась для меня главной.

Когда грузовик остановился, женщина подошла и заговорила с нами, прижав ладони к клетке, чтобы мы могли их облизать. Мать не тронулась с места, но Шустрик, заинтересовавшись, встал рядом со мной.

– Ах, вы, миленькие. Кушать хотите? Кушать?

Мы припарковались перед длинным невысоким домом; под колесами грузовика торчали редкие пучки пустынной травы. Один из мужчин крикнул:

– Эй, Бобби!

Ответ был оглушительным. Из-за дома раздался дружный лай множества собак – я даже не мог сосчитать, сколько их. Шустрик поднялся на задних лапах и поставил передние на стену клетки – как будто так ему было лучше видно.

Шум продолжался. Из-за угла здания вышел еще один человек – коричневый и обветренный, он чуть прихрамывал. Два других мужчины улыбались, как будто ожидали чего-то. Увидев нас, новый человек резко остановился, опустил плечи.

– О, нет, сеньора, никаких собак. У нас и так слишком много. – Он излучал отказ и сожаление, но никакой злобы от него не исходило.

Женщина повернулась к нему и заговорила:

– У нас два щенка и их мать. Им месяца по три. Еще один убежал, а один умер.

– О, нет.

– Мать дикая, бедняжка. Она напугана.

– Вы помните, что вам сказали в прошлый раз? У нас слишком много собак, и мы не получим разрешения.

– Мне все равно.

– Сеньора, у нас нет места.

– Ладно, Бобби, ты знаешь, что это неправда. И что с ними делать – пусть живут, как дикие звери? Это собаки, Бобби, маленькие щенки!

Женщина снова повернулась к клетке, и я завилял хвостом, чтобы показать ей, что я весь в восторженном внимании – хоть и не понимаю ничего.

– Ладно, Бобби, подумаешь, еще три! – сказал, улыбаясь, один из мужчин.

– Однажды не хватит денег тебе на зарплату; все уйдет на корм собакам, – ответил человек по имени Бобби.

Мужчины с улыбкой пожали плечами.

– Карлос, возьми котлету и вернись к ручью. Может, найдешь того, который убежал, – сказала женщина.

Мужчина кивнул и засмеялся над выражением лица Бобби. Я понял, что женщина – главная в этой человеческой семье, и еще раз лизнул ей ладонь, чтобы она любила меня больше всех.

– Хороший пес, хороший, – сказала мне женщина. Я запрыгал и завилял хвостом – по морде Шустрику, который злобно моргал.

Тот, которого звали Карлос, пах пряным мясом и странными незнакомыми маслами. Он сунулся с шестом в клетку и поймал Мать, а мы с Шустриком сами пошли за ней, когда ее повели за угол здания к большому забору. Лай за ним стоял оглушительный, и я почувствовал легкий укол страха – куда мы попали?

От Бобби пахло апельсинами, грязью, кожей и собаками. Мужчина приоткрыл калитку, прикрывая щель своим телом.

– Назад! Назад! Пошли! – скомандовал он. Лай чуть-чуть притих, а когда Бобби открыл калитку настежь и Карлос втащил Мать внутрь, и вовсе прекратился.

Меня так поразило увиденное, что я даже не почувствовал, когда Бобби ногой подтолкнул меня за забор.

Собаки.

Собаки были везде. Некоторые размером с Мать или больше, некоторые меньше – все свободно кружили по большому пространству – двору, окруженному высоким деревянным забором. Я подбежал к доброжелательным с виду собакам, чуть постарше меня, остановившись неподалеку, как будто меня что-то заинтересовало на земле. Три собаки передо мной были светлые и все – самки, так что я обольстительно пописал на кучку грязи, прежде чем подойти и обнюхать их с тыла.

Мне так нравилось все происходящее, что хотелось лаять, но Мать и Шустрик были недовольны. Мать бегала вдоль забора в поисках выхода, опустив нос к земле. Шустрик подошел к группе самцов и теперь неловко стоял рядом с ними, с дрожащим хвостом, пока каждый пес по очереди задирает лапу у забора.

Один из самцов встал прямо перед Шустриком, а второй обежал его, чтобы понюхать с тыла, и тут мой брат сдался. Его зад просел, Шустрик повернулся к самцу, поджав хвост. Я не удивился, когда через несколько секунд он валялся на спине, игриво извиваясь. Я понял, что Шустрик больше не главный.

Тем временем еще один самец, мускулистый и высокий, со свисающими ушами, совершенно неподвижно стоял в центре двора, наблюдая, как Мать продолжает свою отчаянную кругосветку. Что-то подсказало мне, что этого пса стоит опасаться больше остальных собак; и, конечно, как только он шевельнулся и

двинулся к забору, собаки вокруг Шустрика прекратили свалку и тревожно подняли головы.

В десяти шагах от забора самец разогнался и прыгнул на Мать, которая сжалась в комок. Самец прижал ее плечами, не давая двинуться; его хвост торчал трубой. Мать, прижатая к забору, позволила обнюхать себя вдоль и поперек.

Первым делом я хотел – и Шустрик наверняка тоже – поспешить ей на помощь, но почему-то решил, что не стоит. Этот самец, ширококостный мастиф с коричневой мордой и слезящимися глазами, был Вожаком. Мать должна была подчиниться просто по законам стаи.

Закончив тщательную проверку, Вожак выпустил на забор короткую струю мочи, которую Мать внимательно изучила, и порысил прочь, утратив интерес. Мать будто сдулась и незаметно скользнула за штабель сложенных в стороне шпал.

Остальные самцы должным порядком подошли проверить и меня, но я припадал к земле и всех лизал в морду, желая дать понять, что со мной ни в коем случае не будет проблем – это от моего брата можно ждать неприятностей. А я-то всего лишь хотел играть с тремя девочками и исследовать двор, полный мячиков, резиновых косточек и всевозможных замечательных запахов и игрушек. Струйка чистой воды непрерывно текла в лохань, так что можно освежиться, когда хочешь, а человек по имени Карлос приходил во двор раз в день прибрать за нами. Время от времени мы все раздражались громким лаем – без причины, просто для удовольствия.

А еда!.. Дважды в день Бобби, Карлос, Сеньора и еще один мужчина проходили через стаю, разделяя нас на группы – по возрасту. Они вываливали из мешков вкуснейшую еду в большие миски, и мы тыкались туда мордами и ели сколько влезет! Бобби стоял рядом, и если видел, что кто-то (обычно младшая из девочек) не наелся, то брал его и кормил, отгоняя остальных.

Мать ела с остальными взрослыми собаками, и иногда я слышал рычание с той стороны, однако видел только виляющие хвосты. Не знаю, что они ели, пахло это восхитительно, но если щенок пытался подобраться, чтобы выяснить, кто-нибудь из людей загораживал дорогу.

Сеньора наклонялась к нам и позволяла целовать ее лицо, гладила нашу шерсть и смеялась. Она сказала, что меня зовут Тоби. Каждый раз, увидев меня, она повторяла: Тоби, Тоби, Тоби.

Я был совершенно уверен, что я – ее любимый пес; а как же иначе? Моей лучшей подружкой была светло-коричневая самочка по имени Коко, которая приветствовала меня в первый день. У Коко были белые лапы, розовый носик и густая жесткая шерсть. Она была такая маленькая, что я приходился ей вровень, несмотря на короткие ноги.

Мы с Коко боролись целыми днями. Другие девчонки тоже присоединялись к нам, а иногда и Шустрик, который всегда хотел играть в игру, где он побеждает Вожака. Впрочем, ему приходилось контролировать свою агрессивность: если он начинал слишком буянить, кто-то из самцов подбегал, чтобы преподать урок. Когда такое случалось, я всегда делал вид, что вижу Шустрика впервые в жизни.

Мне нравился мой мир, мой Двор. Я обожал бегать по грязи возле лохани с водой, так что брызги из-под лап пачкали мою шерсть. Мне нравилось, когда все принимались лаять, хоть и не понимал, зачем мы это делаем. Я любил гоняться за Коко, спать в куче собак и нюхать чужие какашки. Много раз я засыпал прямо на ходу, утомленный игрой и довольный до безумия.

Взрослые собаки тоже играли – даже Вожак иногда бегал по двору с куском одеяла в зубах, а остальные собаки бежали за ним и делали вид, что не могут догнать. Мать не играла никогда – она вырыла себе яму за штабелем шпал и обычно просто лежала там. Когда я зашел ее проведать, она зарычала, будто забыв, кто я такой.

Однажды вечером, после обеда, когда собаки разбрелись по Двору, я увидел, как Мать незаметно выбралась из своего убежища и двинулась к калитке. Я жевал резиновую косточку – мне все время хотелось жевать что-нибудь из-за зуда во рту, но тут я застыл и стал смотреть на Мать, которая уселась перед калиткой. Что, кто-то пришел? Я прислушался – если бы у нас был гость, все собаки уже лаяли бы.

Часто по вечерам Карлос, Бобби и другие мужчины сидели за маленьким столиком и болтали, передавая друг другу открытую стеклянную бутылку, из которой доносился резкий химический запах. Впрочем, в этот вечер во Дворе

были только собаки.

Мать уперлась передними лапами в перекладины деревянной калитки и ухватила зубами железную ручку. Неужели она будет жевать эту гадость, когда вокруг столько замечательных резиновых косточек? Мать повертела головой направо и налево – никак не могла откусить кусок. Я взглянул на Шустрика, – он крепко спал.

И вдруг калитка неожиданно щелкнула и открылась. Моя Мать открыла ее! Она опустила лапы на землю и плечом распахнула калитку, осторожно нюхая воздух по ту сторону забора.

Потом она обернулась и посмотрела на меня блеснувшими глазами. Я понял смысл: Мать уходит. Я встал, чтобы присоединиться к ней; Коко, лежавшая рядом, лениво подняла голову, поморгала, а потом, вздохнув, снова растянулась на песке.

Если я уйду, то больше не увижу Коко. Я разрывался между верностью Матери, которая кормила меня, учила и заботилась обо мне, и моей новой стаей, в которую входил и мой никчемный братец, Шустрик.

Мать не стала дожидаться моего решения. Она тихо скользнула во мрак надвигающейся ночи. Если я хочу догнать ее, надо торопиться.

Я выскочил из открытой калитки вслед за Матерью, в непредсказуемый мир по ту сторону забора.

Шустрик не видел, как мы уходим.

Ушел я недалеко. Во-первых, я не мог двигаться так же быстро, как Мать, а во-вторых, перед домом росли кусты, которые обязательно нужно было пометить. Мать не ждала меня и даже не оглянулась. Она делала то, что умела лучше всего: незаметно скользила среди теней.

Когда-то, совсем недавно, все, чего я хотел от жизни, – возможности прижаться к Матери; ее язык и ее теплое тело значили для меня больше всего. Теперь, глядя, как она исчезает, я понял: оставляя меня, она делает то, что рано или поздно должны делать все собачьи матери. Мое желание следовать за ней было последним порывом – наши отношения навсегда изменились.

Я еще не опустил задранную лапу, когда Сеньора вышла на крыльцо и остановилась, увидев меня.

– Ого, Тоби, как же ты выбрался?

Если бы я хотел удрать, бежать нужно было бы немедленно. Конечно, я этого не сделал. Я завилял хвостом и подпрыгнул, пытаюсь лизнуть хозяйку в лицо. К ее цветочному запаху добавился замечательный аромат жирной курицы. Сеньора пригладила мои уши, и я последовал за ней, очарованный ее прикосновением, к еще незакрытой калитке, за которой дремала безучастная стая. Она легонько протолкнула меня в калитку и вошла следом.

Как только калитка захлопнулась, собаки повскакали со своих мест и побежали к нам. Сеньора гладила их и ласково говорила с ними, а я сердился, что приходится с кем-то делить ее внимание.

Несправедливо: я отказался от Матери, чтобы быть с Сеньорой, а она вела себя, словно я не лучше других!

Когда она ушла, калитка захлопнулась с металлическим лязгом, но она уже не казалась мне непреодолимым препятствием.

Через несколько дней, когда я боролся с Коко, Мать появилась снова. Вернее, мне показалось, что это Мать.

Когда Бобби открыл калитку, я поднял глаза – там стояла дрожащая Мать. Я радостно понесся по двору впереди остальных собак, но, подбежав ближе, притормозил.

Эта самка окраской была совсем как Мать, с черным пятном над одним глазом, коротким носом и короткой шерсткой – это была не Мать. Она присела и

описалась, когда мы приблизились, окружив ее. Шустрик подошел к ней и обнюхал под хвостом.

Бобби, опустив плечи, как тогда, когда он нас всех сажал в грузовик в первый раз, стоял рядом с новенькой, защищая ее своим телом.

– Все будет хорошо, девочка, – говорил он.

Это была Сестра. Я уже почти забыл о ней, а теперь, глядя на нее, понял, насколько иная жизнь там, за забором. Она исхудала так, что были видны ребра, белый влажный шрам протянулся по боку. Из пасти несло гнилой пищей. Когда Сестра присела, слышался нездоровый запах мочевого пузыря.

Шустрик был в восторге, но она слишком трусила перед остальной стаей, чтобы играть с ним. Она подползла к Вожаку и позволила всем собакам обнюхать себя, даже не пытаясь обозначить какие-то пределы. Когда стая презрительно отошла, Сестра украдкой проверила пустую лохань для еды и попила немного воды, словно воруя.

Вот что ждет собак, которые пытаются прожить без человека – побои, неудачи, голод. Останься мы все в трубе, стали бы такими же, как Сестра.

Шустрик постоянно держался рядом с ней. Она всегда была его любимицей, была для него даже важнее, чем Мать. Я смотрел, как он лижет Сестру и склоняется перед ней, но не ревновал – у меня была Коко.

Ревновал я, когда другие самцы оказывали внимание Коко, – они, похоже, думали, что могут ошиваться рядом и играть с ней, как будто меня нет; пожалуй, действительно могли. Я знал свое место в стае и радовался ощущению порядка и безопасности, но я хотел Коко только для себя и не любил, когда меня грубо отодвигали с дороги.

Самцы, видимо, хотели играть в игру, которую придумал я – кружить вокруг Коко и пытаться запрыгнуть на нее, но я заметил – с холодным удовлетворением, – что и с другими Коко не желает играть в эту игру.

На следующее после появления Сестры утро Бобби пришел на двор, позвал Шустрика, Сестру, Коко и еще одного молодого самца – игривого пятнистого гончего, которого люди называли Даун, – и вместе со мной посадил в клетку в кузове грузовика. Хотя было тесно и шумно, мне очень нравился встречный ветер. Меня веселило выражение на морде Шустрика, когда я чихал на него. Поразительно, но длинношерстная сука из стаи поднялась в кабину с Карлосом и Бобби. «Почему это она – собака переднего сиденья?» – удивился я. И почему, стоило ее запаху просочиться через открытое окно, меня пробирала дрожь, и я ощущал невыразимое возбуждение?

Мы припарковались у старого корявого дерева, которое давало единственную тень на раскаленной стоянке. Бобби зашел в здание с самкой из кабины, а Карлос приблизился к двери клетки. Мы все, кроме Сестры, сунулись вперед.

– Иди, Коко. Коко, – повторил Карлос. Его пальцы пахли арахисом, ягодами и еще чем-то непонятным.

Мы все ревниво залаяли, когда Коко повели в здание. Потом просто лаяли, потому что умеем лаять. Большая черная птица уселась на дерево над нами; она смотрела на нас, как на идиотов. Мы немного полаяли на птицу.

Бобби вернулся к машине.

– Тоби, – позвал он.

Я гордо выступил вперед, принял кожаную петлю на шею и прыгнул на тротуар, который обжигал лапы. Входя в здание, я даже не обернулся на неудачников, оставшихся в клетке. В здании оказалось восхитительно прохладно, и было вдоволь запахов собак и других животных.

Бобби провел меня по коридору, потом поднял и уложил на блестящий стол. Вошла женщина; я завилял хвостом, когда она провела ласковыми пальцами по моим ушам и прощупала горло. Ее руки сильно пахли химией, хотя от одежды исходил запах других животных, включая Коко.

– А это у нас кто? – спросила она.

– Тоби, – ответил Бобби.

Я завилял сильнее, услышав свое имя.

– Сколько их, ты говоришь, сегодня? – Разговаривая с Бобби, женщина подняла мои десны, восхищенная моими зубами.

– Три кобеля, три суки.

– Бобби... – сказала женщина. Я вильнул хвостом, потому что узнал его имя.

– Ну знаю, знаю.

– У нее будут неприятности, – сказала женщина. Она ощупала меня всего, и я подумал – правильно ли будет застонать от удовольствия?

– Соседей нет – жаловаться некому.

– Все равно, есть закон. Она не может больше набирать собак. И так уже слишком много. Это антисанитария.

– Она говорит – иначе все собаки умрут. Никто не хочет их брать.

– Это противозаконно.

– Перестаньте, доктор.

– Вы ставите меня в неловкое положение. Я должна думать об их благополучии.

– Мы привезем их вам, если заболеют.

– Кто-нибудь подаст жалобу.

– Не надо.

– Да не я. Я ничего не скажу, не предупредив вас, чтобы вы успели принять решение. Правда, Тоби?

Я лизнул ее ладонь.

– Умничка. А сейчас сделаем тебе операцию, подправим немного.

Бобби захихикал.

Скоро я очутился в другой комнате, ярко освещенной, восхитительно прохладной, полной химических запахов, идущих от милой дамы. Бобби крепко держал меня, и я лежал тихо, понимая, что так нужно. Было приятно, что меня так держат, и я вильнул хвостом. Я почувствовал короткую острую боль на затылке, но не стал жаловаться, а завилял хвостом, чтобы показать, что я не возражаю.

Следующее, что я осознал – я снова на Дворе! Я открыл глаза и попытался встать, однако задние лапы не слушались. Хотелось пить, но добраться до воды не было сил. Я опустил голову и снова заснул.

Проснувшись, я сразу почувствовал, что вокруг шеи что-то есть – какой-то белый конус, такой дурацкий, что я испугался, что меня прогонят из стаи. Между задними ногами болело и чесалось, но я не мог добраться туда зубами – из-за тупого ошейника. Я доковылял до крана и немного попил; живот сильно крутило. По запахам на Дворе я понял, что пропустил ужин; впрочем, сейчас это меня беспокоило меньше всего. Я отыскал тенистый кусочек земли и со стоном рухнул. Шустрик лежал неподалеку и пялился на меня; у него тоже был смешной ошейник.

Что с нами сделал Бобби?

Трех самок, которых возили с нами в здание с милой дамой, не было видно. На следующее утро я обошел Двор, выискивая запах Коко, но не похоже, что ее привезли обратно.

Вдобавок к унижению от дурацкого ошейника, мне приходилось терпеть стыд, когда все самцы в стае проверили мое больное место. Вожак довольно

невежливым тычком повалил меня на спину, и я, несчастный, лежал, пока он, а за ним и остальные самцы обнюхивали меня с нескрываемым презрением.

Они не стали проделывать то же самое с самками, которые вернулись через несколько дней. Я с восторгом увидел Коко, на которой тоже был странный ошейник. Шустрик как мог утешал Сестру.

В конце концов, Карлос снял с нас ошейники. С тех пор мне уже не так интересно стало забираться на спину Коко. Я придумал новую игру: я подбирался к Коко, жуя прямо перед ней резиновую косточку, а потом подбрасывал ее в воздух и ронял. Коко, глядя в сторону, делала вид, что косточка ее не интересует, хотя то и дело бросала взгляд на то, как я подталкиваю косточку носом. В итоге Коко не выдерживала и бросалась вперед, но я знал ее слишком хорошо и успевал утащить косточку. Иногда Коко бросалась за мной, и мы бегали большими кругами – моя любимая часть игры. Иногда Коко зевала, изображая равнодушие, тогда я снова приближался, дразня ее резиновой косточкой, и она снова, не выдержав, бросалась вперед.

А порой мне доставалась настоящая кость, и тогда все было по-другому. Карлос приходил на двор с жирным мешком, доставал вкусности и выкликал наши имена. Карлос не понимал, что первую кость нужно всегда давать Вожаку, ну и правильно. Мне не всегда доставалась кость, но если доставалась, то Карлос говорил «Тоби, Тоби» и протягивал ее мне мимо носов других. Когда в дело вступает человек, правила меняются.

Однажды Шустрик получил кость, а я нет, – и произошло нечто совершенно невероятное. Шустрик притулился на краю двора, отчаянно грызя добычу; вокруг него распространялся одуряющий аромат. Я подкрался, чтобы завистливо поглядеть на него, и был рядом, когда появился Вожак.

Шустрик напрягся, чуть растопылив лапы, словно готовясь вскочить; когда Вожак подошел, Шустрик перестал жевать и низко зарычал. Никто никогда не рычал на Вожака. Впрочем, я подумал, что Шустрик прав – это была его кость, ее дал Карлос, поэтому даже Вожак не смел на нее претендовать.

Косточка была такая вкусная, что Вожак не мог сдержаться. Он сунул нос вперед, и тут Шустрик напал – его острые зубы впились прямо в морду Вожака! Губы Шустрика оттянулись назад, глаза превратились в щелочки. Вожак

установился на Шустрика, ошарашенный открытым бунтом, а потом, с гордо поднятой головой, повернулся и задрал лапу у забора, больше не замечая Шустрика.

Я понимал, что Вожак, если бы захотел, отнял бы косточку. Сил у него хватало. Я видел, что случилось, когда – незадолго до нашей поездки на машине к милой даме в прохладное здание – самцы собрались вокруг одной самочки, обнюхивая ее, в неистовом порыве задирая лапы. Я, признаться, был среди них; чувствовалось в самочке что-то неопределимое притягательное.

Каждый раз, когда самец пытался обнюхать ее под хвостом, она усаживалась в грязь, смиренно прижимая уши. Несколько раз она огрызалась, тогда самцы отшатывались, словно видели Вожака.

Мы столпились вокруг нее так тесно, что начали толкать друг друга; тогда-то и началась драка между Вожаком и самым крупным самцом в стае – громадным черно-коричневым, которого Бобби звал Ротти.

Вожак дрался очень умело – он схватил Ротти за загривок, прижав его плечи к земле. Остальные освободили место для драки, но все кончилось буквально за несколько секунд – Ротти покорно упал на спину. На шум явился Карлос и закричал:

– Эй, эй! Хватит!

Карлос стоял во Дворе; самцы не обращали на него внимания, и только Коко подбежала, чтобы он ее погладил. Он смотрел на нас несколько минут, потом позвал самочку, которая привлекла всеобщее внимание, и увел за калитку.

Больше я не видел ее до следующего утра, когда нас повезли в машине к милой даме в прохладной комнате. Именно эта самочка ехала на сиденье в кабине с людьми.

Когда Шустрик расправился с костью, он, похоже, уже жалел, что напал на Вожака. Братец, повесив голову и поджав хвост, поплелся туда, где стоял Вожак. Шустрик несколько раз игриво мотнул головой – Вожак не обращал внимания, – поэтому он лизнул его в губы. Видимо, такого извинения оказалось достаточно, – Вожак немного поиграл с Шустриком, повалив его и позволив

укусить себя за шею, а потом резко пошел прочь.

Так Вожак поддерживал порядок – держал каждого на своем месте, не пытаясь воспользоваться властью, чтобы отобрать еду, которую давал человек. У нас была счастливая стая, до того самого дня, когда появился Спайк.

Тогда все переменялось.

4

Похоже, стоило мне разобраться в жизни, как она менялась. Пока мы бегали с Матерью, я научился бояться людей, рыться в помойках, добывая еду. Понял, как успокаивать Шустрика, настраивая на хорошее настроение. А потом пришли люди и привезли нас на Двор, и все изменилось.

Во Дворе я быстро привык жить в стае, научился любить Сеньору, Карлоса и Бобби. Как только мои игры с Коко стали приобретать более сложный характер, нас повезли к милой даме в прохладной комнате, и напряжение, которое меня мучило, совершенно пропало. Я по-прежнему большую часть дня жевал Коко, а она жевала меня, однако меня уже не охватывало прежнее возбуждение.

Эти два мира – снаружи и на Дворе – разделяла калитка, которую открыла Мать. Я так часто вспоминал ночь ее побега, что буквально ощущал вкус металлической ручки. Мать показала мне путь к свободе – если бы я захотел уйти. Но я не такой, как Мать. Мне нравился Двор. Я хотел принадлежать Сеньоре. Меня звали Тоби.

Мать была такой необщительной, что, похоже, никто и не заметил, что ее нет. Сеньора даже не дала ей имени. Шустрик и Сестра время от времени уныло обнюхивали место за шпалами, где Мать пряталась, но больше ничем не показывали беспокойства насчет ее ухода. Жизнь продолжалась, как прежде.

И тут, когда каждый определил свое место в стае – я кормился во взрослой кормушке, Карлос приносил кости, Сеньора раздавала вкусности и поцелуи, – появился новый пес.

Его звали Спайк.

Мы услышали, как хлопнула дверь грузовика Бобби, и дружно залаяли, хотя было так жарко, что те, кто валялся в тени, даже не стали отрывая животы от земли. Калитка открылась, вошел Бобби, ведя на своем шесте крупного мускулистого самца.

Когда к тебе бросается вся стая, это страшно, но новенький не дрогнул. Он был темный и широкий, как Ротти, и высотой с Вожака. Низкий рокот доносился из его груди.

– Спокойно, Спайк. Все в порядке, – сказал Бобби.

Бобби так произнес «Спайк», что я понял – это имя пса. Я решил подождать, пока остальные исследуют его, прежде чем что-нибудь делать.

Вожак, по обыкновению державшийся в сторонке, вышел из прохладной тени у воды и потрусил вперед, чтобы встретить чужака. Бобби снял петлю с шеи Спайка.

– Спокойно, – повторил он.

Напряженность Бобби всколыхнула стаю, и я почувствовал, как поднимается шерсть на спине, хотя и сам не знал, почему. Вожак и Спайк напряженно разглядывали друг друга, не отступая, пока вся стая собиралась в тесный кружок. Морду новенького покрывали шрамы – светло-серые борозды и вздутия на фоне темной шерсти.

Поведение Спайка меня испугало, хотя все кончилось предсказуемо. Спайк позволил Вожаку положить голову себе на спину, но не прогнулся и не опустил к земле. Затем он подошел к забору, тщательно обнюхал его и задрал лапу. Самцы немедленно выстроились за Вожаком, чтобы пописать на то же место.

Над забором появилось лицо Сеньоры, и тревога, охватившая меня, ушла. Некоторые собаки выскочили из кружка и бросились к хозяйке, поставив передние лапы на забор, чтобы ей было легче дотянуться до наших голов.

– Видишь? С ним все будет хорошо, – сказала Сеньора.

– Сеньора, таких собак воспитывают для драки. Он не такой, как остальные, мэм.

– Будь хорошим псом, Спайк! – крикнула Сеньора. Я ревниво посмотрел в сторону новичка. Тот будто не замечал, что звучит его имя.

«Тоби, – должна была она сказать. – Хороший пес, Тоби». А вместо этого она сказала:

– Плохих собак нет, Бобби, есть только плохие люди. Собакам просто нужна любовь.

– Бывает, что у них что-то ломается внутри. И тут уж им никак не поможешь, сеньора.

Сеньора рассеянно опустила руку и почесала за ухом Коко. Я торопливо сунул нос под ее пальцы, но она словно не видела меня.

Потом Коко сидела передо мной и увлеченно грызла резиновую косточку. Я не обращал внимания, расстроенный, что со мной, любимчиком, обошлись так пренебрежительно. Коко перекатилась на спину и начала играть с косточкой лапами, вынимая и роняя ее изо рта. Она держала кость так легко, что я запросто мог ее схватить, и я прыгнул! Коко пустилась прочь, и я вынужден был гнаться за ней по двору, в ярости от того, что игра испорчена.

Я так был увлечен схваткой с Коко – ведь это моя кость! – что пропустил момент, когда все началось.

Обычно драка с Вожаком заканчивалась быстро, и подчиненный пес принимал наказание за попытку нарушить порядок. Но это ужасное сражение, шумное и отвратительно жестокое, продолжалось очень долго.

Два пса упирались друг в друга передними лапами – каждый пытался занять положение сверху. Клыки сверкали на солнце. Я в жизни не слышал такого страшного воя.

Вожак, как обычно, вцепился в загривок противника – так можно контролировать врага, не нанося серьезных повреждений, но Спайк вырывался и щелкал зубами, пока не вцепился в нос Вожака. Этот трюк стоил Спайку кровавой раны под ухом, но теперь он получил преимущество и мог пригнуть голову Вожака к земле.

Стая не вмешивалась: тяжело дыша, она собралась вокруг дерущихся. Распахнулась калитка, из которой с пожарным шлангом появился Бобби. Струя воды ударила в двух псов.

– Эй! Прекратить! – закричал Бобби.

Вожак похромал прочь, уступая власти Бобби, однако Спайк остался на месте, не слушая человека.

– Спайк! – Бобби повернул наконечник шланга. Струя воды ударила в Спайка – брызги крови взметнулись в воздух. Наконец он отступил, мотая мордой, чтобы избавиться от воды, и взглянул на Бобби взглядом убийцы. Бобби отошел назад, выставив брандспойт перед собой.

– В чем дело? Это новенький? El combatiente?[1 - Бойцовый? (исп.)]– крикнул Карлос, входя во Двор.

– S?. Este perro sera el problema[2 - Да. С этим псом будут проблемы (исп.)], – ответил Бобби.

Сеньора вошла во Двор вслед за мужчинами; после долгих споров они позвали Вожака и начали обрабатывать его раны сильно пахнущими химикатами – я сразу вспомнил милую даму в прохладной комнате. Вожак извивался, облизывался и тяжело дышал, пряча уши, пока Карлос мазал ранки на его морде.

Я не думал, что Спайк стерпит такое же обращение, но он безропотно стоял, пока люди обрабатывали его рану под ухом. Похоже, он привык к тому, что после боя приходит химический запах.

Несколько следующих дней превратились в кошмар. Никто уже не понимал, что происходит, особенно самцы.

Теперь Спайк стал главным – вызывал любого и каждого во Дворе один на один. Вожак прежде делал то же самое, но иначе. При Спайке малейшее нарушение правил приводило к немедленному наказанию – быстрому болезненному укусу. Если на территории Вожака игры становились чересчур буйными или назойливыми, он обязательно начинал с холодного предупреждения – пристально глядел или коротко рычал. А Спайк кусал нас иногда вообще без причины – была в нем темная энергия, странная и злая.

Когда самцы схлестывались за новое положение в стае, один на один, Спайк оказывался тут как тут и часто ввязывался, словно не мог удержаться от боя. Его вмешательство было лишним, оно приводило к лишнему напряжению. В мелкие перепалки, драки из-за того, что давным-давно решено – из-за места у кормушки, из-за кусочка земли под протекающей трубой, где было приятно лежать.

Когда мы играли в нашу игру – я держал резиновую косточку, а Коко пыталась ее утащить, – появлялся, рыча, Спайк, заставляя меня бросить трофей к его ногам. Иногда он уносил косточку в свой угол – игра прекращалась, пока не удавалось найти новую игрушку, – а иногда презрительно обнюхивал и оставлял валяться в грязи.

Когда Карлос приносил мешок костей, Спайк даже не утруждался подходить. Он выжидал, пока люди уйдут, а потом брал, что хотел. Некоторых псов Спайк не трогал – Ротти, Вожака и, как ни странно, Шустрика, но стоило мне вонзить зубы в угощение от Карлоса, я уже понимал, что скоро его будет грызть Спайк.

Таков был новый порядок. Мы с трудом усваивали правила, однако знали, кто их установил, и принимали их, так что я очень удивился, когда Шустрик выступил против Спайка.

Все произошло, конечно, из-за Сестры. Был редкий случай, когда три родственника – Шустрик, Сестра и я – стояли в углу, изучая жука, который выполз из-под забора. Оказаться рядом с семьей было очень приятно, особенно после наполненных тревогами последних дней. Я делал вид, будто никогда не видел ничего удивительнее крохотного черного насекомого.

Мы увлеклись и не заметили Спайка, который вдруг оказался рядом и обрушился на бок Сестры, – она по-щенячьи взвизгнула.

Я сразу припал к земле, – мы же ничего плохого не делали! – но Шустрик не вытерпел и ринулся на Спайка, оскалившись. Сестра метнулась прочь, а я, под воздействием ярости, какой не испытывал раньше, бросился за Шустриком в драку; мы рычали и кусались.

Я попытался вцепиться в спину Спайка, но он развернулся, и его челюсти сомкнулись на моей передней лапе. Я завизжал.

Шустрик вскоре оказался прижат к земле, но я уже не обращал внимания – боль в ноге была так мучительна, что я, скуля, похромал прочь, к калитке.

Как я и думал, калитка открылась, и во Дворе появился Бобби со шлангом в руках. Драка прекратилась; Шустрик успокоился, а Сестра спряталась за шпалами. Так что Бобби занялся моей ногой.

– Хороший пес, Тоби. Тихо, мальчик, – говорил он мне. Я чуть махнул хвостом. Когда Бобби тронул лапу – боль пронзила меня до плеча. Я лизнул его в лицо; пусть знает: я понимаю, что он не нарочно.

Сеньора повезла нас к милой даме в прохладную комнату. Бобби прижимал меня к столу, когда дама уколола меня той же иглой с химическим запахом, что и прежде, и боль в ноге утихла. Я сонно лежал на столе, пока дама щупала мою ногу, и слушал ее голос – она говорила с Бобби и Сеньорой. Я ощущал ее заботу, ее тревогу, но не мог сосредоточиться, пока Сеньора гладила мою шерсть. Даже когда Сеньора затаила дыхание, услышав «необратимое повреждение», я только слегка поднял голову. Хотелось лежать на столе вечно – по крайней мере до обеда.

Когда я вернулся на Двор, я снова был в дурацком пластиковом конусе и щеголял здоровенной глыбой вокруг раненой ноги. Я хотел вгрызться в глыбу, однако конус не только придавал мне идиотский вид, он не давал мне добраться до ноги! Приходилось ковылять на трех лапах. Спайк, похоже, находил это забавным: он наскочил на меня грудью и повалил.

Нога болела без передышки, хотелось спать; часто приходила Коко и клала на меня голову. Дважды в день Бобби приносил мне угощение; я делал вид, будто не замечаю, что в мясо завернуто что-то горькое, хотя иногда не глотал, а, подождав немного, выплевывал маленькую белую штучку размером с горошину.

Я еще носил дурацкий ошейник, когда приехали люди. Было слышно, как на дороге хлопнули дверцы машин; мы принялись лаять, но перестали, услышав крик Сеньоры:

– Нет! Нет! Вы не заберете моих собак!

В ее голосе, безусловно, звучало горе, и мы с Коко в тревоге уткнулись друг в друга носами. Что происходит?

Калитка распахнулась; несколько мужчин осторожно вошли во Двор с уже знакомыми шестами. Некоторые держали перед собой какие-то баллончики и словно ждали нападения.

В чем бы ни состояла игра, многие из нас не против были поиграть. Коко подошла одной из первых; ее схватили и без сопротивления утащили в калитку. Многие из стаи охотно последовали следом, хотя некоторые не спешили – Сестра, Шустрик, Спайк, Вожак и я сам. Мне не хотелось хромать к людям. Хотят играть – пусть играют со Спайком.

Сестра бросилась прочь вдоль забора, словно надеясь найти дыру. Шустрик сперва последовал за ней, но потом безнадежно остановился. Два человека приблизились к Сестре и поймали ее. Шустрик позволил себя поймать, чтобы уйти с Сестрой, а Вожак с достоинством вышел вперед, когда его позвали.

Спайк же боролся с петлей, свирепо рычал и клацал зубами. Люди кричали; один из них направил тонкую струю жидкости из баллончика в его морду; запах немедленно обжег мой нос, несмотря на то что я был на другом конце Двора. Спайк прекратил сопротивление и рухнул на землю, закрыв лапами нос. Его вытащили за калитку и пошли ко мне.

– Хороший песик. Ножка болит? – спросил человек. Я чуть вильнул хвостом и наклонил голову, чтобы ему было легче надеть петлю, хотя дурацкий ошейник очень мешал.

За забором я расстроился, увидев, что Сеньора, плача, борется с Карлосом и Бобби. Ее печаль задела меня, и я рванулся с веревки, чтобы помочь ей.

Какой-то человек пытался вручить бумагу, но Сеньора бросила ее на землю.

– Что вы творите? Мы никому не делаем зла! – крикнул Бобби. От его гнева становилось страшно.

– Слишком много животных. Плохие условия, – сказал человек с бумагой. От него тоже исходил гнев. Я обратил внимание, что он был в темной одежде, и на груди блестело что-то металлическое.

– Я люблю своих собак, – крикнула Сеньора. – Не отнимайте их у меня. – От Сеньоры исходили печаль и страх.

– Жестокое обращение, – ответил человек.

Я ничего не понимал. Вся стая оказалась снаружи Двора, всех по очереди сажали в клетки на грузовиках, и это сбивало с толку. Большинство прижали уши и покорно опустили хвосты. Я оказался рядом с Ротти – его тяжелое пыхтение заполнило воздух.

Там, куда нас привезли, понятнее не стало – пахло это место, как прохладная комната милой дамы, только было жарко и полно тревожно лающих собак. Я пошел по своей воле и был немного разочарован, что попал в одну клетку с Шустриком и Вожаком – я бы предпочел быть с Коко или даже Сестрой, хотя самцы-соседи трусили, как и я, и смотрели на меня без вражды.

Лай стоял оглушительный, хотя все, безусловно, перекрывал яростный рев Спайка. Затем раздался резкий визг боли – какой-то пес подвернулся нехстати. Кричали люди; через несколько минут Спайка провели мимо по коридору.

У нашей клетки остановился человек.

– А с этим что? – спросил он.

– Не знаю, – ответил человек, который только что увел Спайка.

От первого человека я чувствовал заботу пополам с печалью; от второго – только безразличие. Первый открыл дверцу и аккуратно потрогал мою ногу, отпихнув Шустрика.

– Тут уже не поможешь, – сказал он.

Я попытался дать ему понять, что без дурацкого ошейника я гораздо лучше.

– Никто не возьмет, – сказал первый человек.

– У нас слишком много собак, – сказал второй.

Первый сунул руку внутрь конуса и пригладил мои уши. Хотя это было нечестно по отношению к Сеньоре, я лизнул его руку. От него пахло другими собаками.

– Ладно, – сказал первый человек.

Второй потянулся и помог мне спрыгнуть на землю. Он надел на меня веревку и повел в крохотную, жаркую комнату. Там в клетке сидел Спайк; еще две собаки, которых я раньше не видел, стояли рядом, в стороне от клетки.

– Погоди-ка, – сказал первый человек, входя в комнату. Он протянул руку и снял с меня ошейник; поток воздуха поцеловал меня в морду. – Они этого терпеть не могут.

– Да как угодно, – сказал второй человек.

Люди ушли, захлопнув дверь. Одна собака – старая, старая самка – без всякого интереса обнюхала мой нос. Молодой самец поеживался от непрекращающегося лая Спайка.

Со стоном я улегся на пол. Громкое шипение наполнило уши, молодой самец заскулил.

Внезапно Спайк рухнул на пол. Я с любопытством смотрел на него, не понимая, что он затеял. Старая самка повалилась неподалеку, ее голова прижалась к клетке Спайка – я не думал, что он такое потерпит. Молодой самец скулил, и я смотрел на него, пока не закрыл глаза. На меня накатилась давящая усталость – так братья и сестра наваливались на меня, когда я был щенком. Я вспоминал об этом, погружаясь в темный спокойный сон – о том, как был щенком, как мы бегали с Матерью, о ласках Сеньоры, о Коко, о Дворе.

Ни с того, ни с сего на меня нахлынула печаль, которую я чувствовал от Сеньоры; захотелось бежать к ней, облизать ладони, чтобы она снова радовалась. Из всего, что я делал, радовать Сеньору казалось мне самым важным.

Я понял, что только это придавало моей жизни какой-то смысл.

5

Странно.

Отчетливо помню гулкую, жаркую комнату; помню, как яростно выл Спайк. Вдруг я провалился в глубокий сон, словно открыл пастью калитку и сбежал. Я помню, как задремал; возникло чувство, что прошло много времени, – так сон на вечернем солнце сокращает день, и внезапно наступает время вечерней кормежки. Но теперь сон перенес меня не только в новое время, но и в новое место.

Знакомым было ощущение теплых, извивающихся щенков вокруг меня, возня за место у соска, где богатое, живительное молоко будет наградой за толкания. Каким-то образом я вновь стал щенком, слабым и беспомощным, вновь оказался в Логове.

Когда я первый раз мутно рассмотрел мать, она оказалась совсем иной. Шерсть была светлая, а сама она была крупнее, чем Мать. Мои братья и сестры – целых семь! – были такие же светлые. Рассмотрев свои передние лапы, я понял, что не отличаюсь от остального помета.

Причем мои лапы были достаточно длинными – под стать остальному телу.

Вокруг слышался лай, и я мог учуять много собак, однако это был не Двор. Когда я осмелился выбраться из Логова, лапы ощутили грубую твердую поверхность; через несколько шагов мое исследование вдруг прервала проволочная изгородь. Мы находились в клетке с проволочным потолком и цементным полом.

От такого открытия я ослабел, поплелся обратно в Логово, чтобы забраться на кучу братьев и сестер и там лечь.

Я снова щенок и хожу с трудом. Новая семья, новая мать и новый дом. Шерсть у всех нас одинаково светлая, глаза темные. Молоко у моей новой мамы гораздо жирнее, чем у моей первой Матери.

Мы жили с человеком, который приносил еду моей матери, и она торопливо глотала ее, чтобы скорее вернуться в Логово и греть нас.

Где же Двор, Сеньора, где Шустрик и Коко? Я помнил жизнь довольно отчетливо, однако теперь все иначе, как будто я начал заново. Как такое может быть?

Я вспомнил неистовый лай Спайка, вспомнил, как, засыпая в жаркой комнате, мучился одним непонятным вопросом – вопросом своего предназначения. Я часто возвращался к этому странному вопросу – обычно, когда закрывал глаза, сдаваясь непреодолимому сну. Почему? Почему я снова щенок? Почему меня не отпускает навязчивое чувство, что я, как собака, что-то должен сделать?

В нашем загоне особенно не на что было смотреть, нечего было жевать – разве что друг друга, но узнав больше, мы с братьями и сестрами поняли, что есть еще щенки – в загоне справа: шустрые малыши с темной, торчащей во все стороны шерстью. С другой стороны жила неторопливая самка, со свисающим животом и набухшими сосками. Она была белая, с черными пятнышками; похоже, мы нисколько не интересовали ее. Загоны стояли в футе друг от друга, поэтому все, что мы могли – ловить запах щенков-соседей, с которыми очень хотелось поиграть.

Перед нами лежала длинная полоса зелени, манившая сладкими ароматами влажной земли и густой зеленой травы, но нас к ней не пускали – дверь клетки всегда была заперта. И клетки, и полосу травы окружал деревянный забор.

Человек не был похож на Бобби или Карлоса. Когда он заходил в клетку, чтобы накормить нас, он почти не разговаривал. От него исходило пустое безразличие, так не похожее на доброту людей, ухаживавших за нами на Дворе. Когда щенки соседнего загона бросались к нему, чтобы приветствовать, человек с ворчанием отталкивал их от миски, давая матери добраться до еды. Наши атаки были не такими решительными: не успевали мы доковылять до двери клетки, как человек уже входил, и мать давала нам понять – эта еда для нее. Иногда, переходя от клетки к клетке, человек говорил, но говорил не с нами. Он тихо бормотал, уставившись на листок бумаги в руке.

– Йоркширские терьеры, примерно неделя, – сказал он как-то, глядя на собак в клетке справа. Потом остановился у нашего загона. – Золотистые ретриверы, примерно три недели; далматинка разродится со дня на день.

Я полагал, что дни, проведенные во Дворе, подготовили меня к роли главного в семье, но, к моему негодованию, остальные не хотели этого понимать. Только я приготавливался схватить одного – как Вожак хватал Ротти, – двое или трое напрыгивали на меня, не понимая, что происходит. К тому времени, как мне удавалось их побороть, моя изначальная жертва, убежав, возилась с кем-то еще, как будто это все игрушки. Я пытался угрожающе рычать, однако получалось вовсе не страшно, а смешно, и братья и сестры радостно рычали в ответ.

Однажды наше внимание привлекла пятнистая соседка – она тяжело дышала и нервно металась по клетке. Мы инстинктивно собрались поближе к матери, которая внимательно следила за пятнистой. Та зубами разодрала одеяло и несколько раз пробежала по кругу, потом, задыхаясь, легла. Через несколько мгновений я поразился, увидев рядом с ней нового щенка, в пятнышках и какой-то липкой пленке, вроде пакета, которую мать тут же слизала. Языком она подтолкнула щенка, и через минуту он пополз к соскам – и тут я вспомнил, что голоден.

Мать вздохнула и позволила нам некоторое время сосать молоко, а потом резко поднялась на ноги. Один из братьев еще секунду повисел в воздухе, прежде чем отвалиться. Я прыгнул на него, чтобы преподать урок, и на некоторое время отвлекся.

Когда я в следующий раз посмотрел на пятнистую соседку, у нее было еще шесть щенков! Мать облизывала их, тощих и слабых, двигала к своему боку,

чтобы они поели, пока она лежала неподвижно.

Пришел человек, осмотрел новорожденных, а потом открыл дверь клетки справа, с пушистыми щенками, и выпустил их на траву!

– Нет, тебе нельзя. – Он загородил дорогу матери, которая хотела последовать за щенками. Человек запер ее, затем поставил миски с едой щенкам. Те измазались в мисках и начали облизывать друг друга – эти дурачки и дня не протянули бы на Дворе. Их мать сидела у двери клетки и скулила, пока ее семейство не наелось, – тогда человек выпустил ее к щенкам.

Маленькие волосатики подошли к двери нашей клетки, чтобы обнюхать нас; наконец мы оказались нос к носу – прожив по соседству последние недели! Я лизал их липкие мордочки, а один из моих братьев стоял у меня на голове.

Человек оставил щенков бегать, а сам вышел через калитку в деревянном заборе – точно такую, как калитка, через которую Карлос и Бобби входили во Двор. Я с завистью смотрел, как щенки гоняются по крошечному пятнышку травы, обнюхивают собак в других клетках, играют друг с другом. Я устал сидеть в загоне и хотел выбраться, чтобы начать исследования. Каким бы ни был смысл моего существования, он явно не здесь.

Через несколько часов человек вернулся еще с одной собакой – такой же, как мать волосатых щенков, которые резвились на свободе; только это оказался самец. Человек загнал мать в загон и сунул туда же самца, прежде чем запереть дверь. Самец, похоже, был рад встретиться с матерью, но она зарычала на него, когда он полез на нее сзади.

Человек оставил калитку в деревянном заборе открытой, когда входил, и я с удивлением ощутил внутри себя страстное желание, когда увидел тонкую полоску внешнего мира по ту сторону забора. Если бы меня выпустили на траву, я мигом выскочил бы в открытую калитку, но щенки, естественно, не спешили воспользоваться такой возможностью; они слишком увлеклись борьбой.

Их мать уперлась передними лапами в дверь клетки и тихо плакала, пока человек по очереди выносил щенков в калитку. Вскоре он унес всех. Собака-мать шагала по клетке, тяжело дыша, пока самец лежа смотрел на нее. Я чувствовал ее боль и сам расстроился. Спустилась ночь, и мать позволила самцу лечь рядом

с собой – похоже, они были знакомы.

Самец пробыл в клетке всего несколько дней, потом и его увели.

Тут настала наша очередь выходить! Мы радостно выбрались из клетки и набросились на еду, приготовленную человеком. Я съел свою долю и стал смотреть, как валяют дурака братья и сестры.

Все вокруг было влажное и сочное, совсем не похожее на сухую и пыльную землю на Дворе. Прохладный ветер приносил манящий запах открытой воды.

Я обнюхивал траву, когда пришел человек выпустить нашу мать. Братья и сестры поскакали к ней, а я нет – я нашел мертвого червяка. Потом человек ушел; и тут я подумал о калитке.

Что-то не так было с этим человеком. Он не называл меня Тоби. Он даже не разговаривал с нами. Я припомнил свою первую Мать; последний раз я видел ее, когда она уходила со Двора – потому что не могла жить с людьми, даже с такими любящими, как Сеньора. А этот человек нас вовсе не любил.

Мой взгляд уперся в ручку на калитке.

Рядом с дверью стоял деревянный стол. Забравшись на табуретку, я сумел залезть на стол, а оттуда дотянуться зубами до металлической ручки – она была не круглая, а продолговатая.

Мои крохотные зубы не позволяли уцепиться за ручку как следует, но я изо всех сил старался сделать то же, что сделала Мать, когда сбежала со Двора. Вскоре я потерял равновесие и шлепнулся на землю, так и не открыв калитку. Я посидел немного, в расстройстве полаял тоненьким голоском. Братья и сестры, как обычно, прибежали, чтобы прыгать на меня, но я раздраженно отвернулся. Некогда мне играть!

Я попробовал снова. Теперь я положил передние лапы на ручку, чтобы не грохнуться на землю, и тут же она опустилась, так что я всем телом нажал на нее по пути вниз. Я рухнул на дорожку с хрипом.

К моему изумлению, калитка приоткрылась. Я сунул нос в щель, нажал, и калитка открылась шире. Я был свободен!

Я резво выскочил наружу. Прямо передо мной лежала грунтовая дорога – две колеи в песчаной почве. Мой путь!..

Пробежав несколько футов, я оглянулся, что-то почуяв. Моя новая мать сидела у калитки, глядя на меня. Я вспомнил Мать на Дворе – она обернулась на меня только раз, прежде чем уйти в мир. Моя новая мать не пойдет со мной, понял я. Она остается с семьей. Я буду сам по себе.

Но я не медлил ни секунды. По прошлому опыту я знал, что есть дворы лучше, чем этот, дворы с любящими людьми, которые будут гладить меня. Знал, что настает пора бросить мамины соски. Так это и бывает: рано или поздно собака отрывается от матери.

Но главное: я знал, что передо мной открываются новые возможности, целый новый мир, который я смогу исследовать на своих длинных, хоть и неуклюжих пока лапах.

Проселок, в конце концов, вывел на шоссе, которого я решил держаться – хотя бы потому, что оно шло прямо по ветру, приносящему восхитительные запахи. После всегда пропеченного Двора я с удовольствием вдыхал запах сырых, гниющих листьев, деревьев и прудов. Я бежал вперед, носом к солнцу, радуясь свободе, навстречу приключениям.

Я услышал грузовик задолго до того, как увидел его, но так увлекся ловлей изумительного жука, что не увидел его, пока не хлопнула дверца. Человек с морщинистой загорелой кожей, в замызганной одежде встал на колени, протянув руки.

– Эй, братишка! – позвал он.

Я нерешительно смотрел на него.

– Потерялся, братишка? Потерялся?

Я повилял хвостом, подбежал к человеку, и он, взяв меня, поднял высоко над головой, – мне это не очень понравилось.

– Ты хорош, братишка, похоже, чистокровный ретривер; откуда взялся?

Он говорил так, что я вспомнил, как Сеньора первый раз назвала меня Тоби. Тут я сообразил, что происходит: как люди нашли мою первую семью в трубе, так этот человек нашел меня в траве. И теперь моя жизнь будет такой, какой захочет он.

«Да, – решил я. – Наверное, мое имя – Братишка». И меня поразило, когда человек посадил меня в грузовик, рядом с собой. На переднее сиденье!

Человек пах дымом и еще чем-то едким – я вспомнил, как Карлос и Бобби сидели на Дворе за маленьким столиком, разговаривали и передавали друг другу бутылку. Человек засмеялся, когда я потянулся лизнуть его в лицо, и потом смеялся, когда я протискивался в узкие места грузовика, впитывая богатые, странные запахи.

Мы тряслись довольно долго, и наконец человек остановил грузовик.

– Здесь тенек, – сказал он мне.

Я нерешительно огляделся. Перед нами было здание с несколькими дверями, из одной двери доносился сильный химический запах – точно такой же, какой окутывал человека.

– Я зайду только на одну, – пообещал человек, поднимая окна. Я не понимал, что он уходит, пока он не выскользнул наружу и не захлопнул за собой дверь. А как же я?

Я нашел ремень и пожевал его, потом мне надоело, и я прилег поспать.

Когда я проснулся, было жарко. Солнце заливало душную и влажную кабину. Тяжело дыша, я начал поскуливать и, упершись передними лапами в раму, поднялся, чтобы посмотреть, куда ушел человек. От него не было и следа! Я опустил лапы, которые горели от раскаленной рамы.

Мне никогда раньше не было так жарко. Примерно час я топал по обжигающему переднему сиденью. Я начал дрожать, перед глазами все плыло. Я вспомнил кран с водой на Дворе; я вспомнил молоко матери; я вспомнил струю из шланга Бобби, которой он прекращал собачьи драки.

В окне я смутно разглядел глядящее на меня лицо. Но это был не тот мужчина; это была женщина с длинными белыми волосами. Она, похоже, сердилась, и я в страхе отполз от нее.

Когда ее лицо пропало, я снова лег, почти теряя сознание. У меня уже не было сил ходить. Лапы налились тяжестью и начали дергаться сами собой.

И вдруг раздался сильный удар, качнувший грузовик! Мимо меня пролетел камень, отскочил от сиденья и упал на пол. Светлые осколки осыпали меня дождем, и прохладный воздух лизнул мою морду. Я потянулся ему навстречу.

Я чувствовал себя беспомощным, когда руки просунулись под мое тело и подняли в воздух – я был не в силах делать что-либо и замер у женщины на руках.

– Бедный щеночек. Бедный, несчастный щеночек, – прошептала женщина.

«Меня зовут Братишка», – подумал я.

6

Ничто в моей жизни не сравнится с прохладным, чистым потоком, который вырвал меня из сна без сновидений. Женщина стояла надо мной с бутылкой воды, и я ловил великолепные брызги. Я вздрагивал от удовольствия, от бегущей по спине струйки, поднимал пасть, чтобы укунить ее, как кусал когда-то дождик из крана над лоханью во Дворе.

Рядом стоял мужчина; они с женщиной смотрели на меня озабоченно.

– Думаете, он поправится? – спросила женщина.

– Похоже, вода творит чудеса, – ответил мужчина.

От них обоих исходило восхищение, которое я часто ощущал от Сеньоры, когда она стояла у забора, глядя на наши игры. Я перекатился на спину, чтобы вода лилась мне на животик, и женщина засмеялась.

– Какой милый щеночек! – воскликнула она. – Не знаете, кто это?

– Похоже, золотистый ретривер, – сказал мужчина.

– Ах, щеночек, – проворковала женщина.

Да, я готов быть Щеночком, я готов быть Братишкой. Я буду кем хотите. Когда женщина подхватила меня на руки, не обращая внимания на мокрое пятно, которое я посадил ей на кофту, я целовал ее, пока она не закрыла глаза и не захихикала.

– Я возьму тебя домой, малыш. Познакомлю тебя кое с кем.

Что ж, похоже, я стал собакой переднего сиденья! Женщина, сев за руль, взяла меня на колени, и я с благодарностью глядел на нее. Заинтересовавшись новым окружением, я все-таки сполз и начал исследовать машину, обдуваемый потоками воздуха из двух вентиляторов. Ветер охлаждал мокрую шерсть; я даже начал дрожать и свернулся клубочком на плоском полу машины – там ласковое тепло, как от Матери, быстро убаюкало меня.

Я проснулся, когда машина остановилась; женщина нагнулась и подняла меня.

– Какой же ты милый, – прошептала она. Прижав меня к груди, она вышла из машины. Я чувствовал, как колотится ее сердце, и ощущал что-то вроде тревоги. Я зевнул, прогоняя последние остатки дремы, и, ненадолго присев в травке, приготовился встретить то, что заставило женщину волноваться.

– Итан! – позвала она. – Иди сюда; познакомься.

Я с любопытством посмотрел на женщину. Мы стояли перед большим белым домом; интересно, есть ли за ним клетки или большой двор? Впрочем, я не слышал лая – может, я вообще был первой собакой здесь.

Передняя дверь дома распахнулась, и на пороге появился человечек, каких я раньше не видел, пропрыгал по цементным ступенькам и замер на траве.

Мы уставились друг на друга. Я понял, что это человеческий детеныш, мальчик. Его губы растянулись в улыбке, и он распахнул руки.

– Щенок! – пропел человечек, и мы бросились навстречу, сразу полюбив друг друга. Я не переставая лизал его, а он хихикал, пока катились по траве.

Наверное, мне раньше и в голову не приходило, что на свете существуют мальчики, но теперь, найдя себе одного, я решил, что это самая замечательная вещь в мире. Мальчик пах грязью, сахаром и какими-то непонятными животными, от его пальцев исходил легкий аромат мяса, и я лизал их.

К вечеру я узнавал мальчика не только по запаху, но и по виду, голосу, жестам. У него были темные волосы, как у Бобби, только очень короткие, и глаза – гораздо светлее. Он наклонял голову, глядя на меня, словно хотел больше услышать, а не увидеть. Его голос искрился радостью, когда он говорил со мной.

Но главное, я упивался его запахом, лизал лицо, грыз пальцы.

– Мама, мы оставим его? Можно? – спросил мальчик между хихиканьями.

Женщина присела на корточки и погладила меня по голове.

– Ты ведь знаешь папу, Итан. Он спросит, будешь ли ты ухаживать за псом...

– Буду! Буду!

– Будешь ли гулять с ним и кормить...

– Каждый день! И гулять, и кормить, и расчесывать, и воду давать...

– И тебе придется убирать, когда он нагадит в саду.

Мальчик промолчал.

– Я купила в магазине корм для щенков; пусть пообедает. Ты не согласишься, мне пришлось заехать на заправку и купить бутылку воды; бедняжка чуть не умер от теплового удара.

– Будешь обедать? А? Обед? – спросил мальчик.

Мне понравилось, как это звучит.

К моему удивлению, мальчик подхватил меня и понес прямо в дом! Я в жизни не представлял, что такое возможно.

Мне тут понравится.

Некоторые полы были мягкими и пахли теми же животными, что и мальчик; в других местах пол был скользкий и твердый – лапы разъезжались подо мной, когда я шел за мальчиком по дому. Если он брал меня на руки, поток любви вызывал сосущее чувство в моем животе, похожее на голод.

Я лежал на полу и боролся с мальчиком за тряпку, когда раздался стук, – я уже знал, – так захлопывается дверца машины.

– Папа приехал, – сказала женщина, которую звали Мама, мальчику, которого звали Итан.

Мальчик встал и повернулся к двери; Мама встала рядом. Я схватил тряпку и строго встряхнул ее, но она была уже не такая интересная без мальчика на другом конце.

Открылась дверь, и мальчик крикнул:

– Папа, привет!

В комнату вошел человек и стал разглядывать Маму и Итана.

– Ну, и в чем дело? – спросил он.

– Пап, мама нашла щенка... – сказал Итан.

– Он был заперт в машине и умирал от жары, – сказала Мама.

– Пап, можно его оставить? Это лучший щенок в мире!

Я решил переждать в безопасности и, приземлившись на ботинки мальчика, начал кусать шнурки.

– Ох, не знаю, сейчас непростые времена, – ответил папа. – Ты представляешь, сколько забот требует щенок? Итан, тебе только восемь. Это слишком большая ответственность.

Я дернул за шнурок и попытался убежать с ним, но он все еще держался за ногу и дернул меня обратно, так что я упал на пол. Зарывав, я снова набросился на шнурок и устроил ему хорошую трепку.

– Я буду о нем заботиться, буду гулять с ним, кормить и мыть, – говорил мальчик. – Пап, он лучший в мире. Он уже привык к дому!

Поборов ботинки, я решил, что пора немного передохнуть, и присел, окатив мочой табурет.

Ох, какой поднялся переполох!

Вскоре мы с мальчиком сидели на мягком полу. Мама спрашивала:

– Джордж?

Итан начинал говорить:

– Джордж? Сюда, Джордж! Привет, Джордж!

Потом папа говорил:

– Скиппи?

И Итан принимался повторять:

– Скиппи? Ты Скиппи? Сюда, Скиппи!

Это было утомительно.

Потом мы играли во дворе, и мальчик называл меня Бейли.

– Сюда, Бейли! Ко мне, Бейли! – кричал он, хлопая себя по коленям. Я подходил к нему, а он убегал, и так мы носились кругами по двору. Мне казалось, что это продолжение игры в доме. Я готов был откликаться и на «Шершень», и на «Айк», и на «Крепыш», но, похоже, они решили остановиться на «Бейли».

Потом я поел, и мальчик повел меня в дом.

– Бейли, познакомься с котом Смоки.

Крепко прижав меня к груди, Итан повернулся, чтобы я смог увидеть сидящее посреди пола серо-коричневое животное. Вот от кого тот странный запах! Существо было крупнее меня, с маленькими ушками – которые было бы приятно кусать. Я попытался вырваться, чтобы поиграть с новым другом, но Итан держал крепко.

– Смоки, это Бейли, – сказал он.

В конце концов мальчик опустил меня на пол, и я бросился поцеловать кота, однако он оттянул губы, обнажив ряд действительно злобных зубов, и зашипел, выгнув спину и задрал трубой пушистый хвост. Я остановился, пораженный. Он не хочет играть? Затхлый запах из-под его хвоста был великолепен. Я осторожно двинулся, чтобы по-дружески обнюхать зад Смоки, но он зафырчал и поднял лапу, выставив когти.

– О, Смоки, будь умницей, будь умницей.

Смоки посмотрел на Итана убийственным взглядом. Я приободрился от тона мальчика и дружелюбно заскулил, но кот остался непреклонным и даже стукнул меня по носу, когда я попытался лизнуть его в морду.

Ну что ж, я готов играть с ним, когда он захочет, а пока у меня были дела поважнее сопливого кота. Следующие несколько дней я пытался понять свое место в семье.

Мальчик жил в маленькой комнате, полной замечательных игрушек, а Мама и Папа жили в комнате вообще без игрушек. Еще в одной комнате была чаша с водой, из которой можно было пить, только забравшись внутрь, и тоже никаких игрушек, если не считать белой бумаги, которую можно было тянуть со стены длинной лентой. Комнаты для сна были наверху лестницы – я не мог взобраться по ступенькам даже со своими длинными собачьими ногами.

Стоило мне решить, что пора присесть и облегчиться, все в доме словно сходили с ума – хватали меня, бегом тащили прочь из дома, сажали в траву и ждали, пока я опомнюсь и займусь своими делами; а уж тогда хвалили так, что начинало казаться, будто это моя главная задача в семье. Впрочем, хвалили непоследовательно – уходя, мне оставляли бумагу, чтобы рвать, и если я присаживался на нее, меня называли хорошим псом, хоть и не с радостью, а только с облегчением. И как я уже говорил, когда все были в доме, на меня сердились за то же самое.

– Нет! – кричали Мама или Итан, если я мочил пол.

– Умница! – пели они, если я писал в траву.

– Хорошо, так можно, – говорили они, если я писал на бумагу. Я не мог понять – что с ними не так?

Папа почти не обращал на меня внимания, хотя я чувствовал, что ему нравится, когда утром я сижу с ним, пока он ест. Он относился ко мне с легкой привязанностью – ничего общего с безудержным восхищением, исходящим от Итана, при этом я чувствовал, что к сыну родители относятся с обожанием. Иногда вечером папа сидел за столом с мальчиком, и они негромко и

сосредоточенно разговаривали. По комнате разносился едкий запах. Папа позволял мне ложиться на его ноги – ноги мальчика были далеко от пола, я не мог дотянуться.

– Смотри, Бейли, мы построили самолет, – сказал мальчик после одного такого вечера и протянул мне игрушку. От химического запаха у меня заслезились глаза, и я даже не попытался ее схватить. Мальчик радостно бегал по дому с игрушкой в руках, я гонялся за ним, стараясь поймать. Потом мальчик поставил самолет на полку с другими игрушками, которые слабо пахли тем же запахом. На этом все кончилось, пока мальчик и папа не решили построить новую.

– Это ракета, Бейли, – сказал мне Итан, показывая игрушку, похожую на палку. Я ткнул в нее носом. – Однажды мы полетим на Луну, и там будут жить люди. Хочешь быть космической собакой?

Услышав слово «собака» и почувствовав вопрос, я завилял хвостом. «Да, – подумал я. – Я с удовольствием помогу чистить тарелки».

Мы иногда чистили тарелки – мальчик ставил тарелку с едой на землю, а я вылизывал. Это была моя обязанность – только пока Мама не видит.

А главной моей обязанностью была игра с мальчиком. Каждый вечер Итан укладывал меня в ящик с мягкой подушкой внутри, и я приучился ждать там, пока Мама и Папа не придут пожелать мальчику доброй ночи – после этого мальчик разрешал мне забраться в кровать. Если ночью мне становилось скучно, я всегда мог погрызть мальчика.

Моя территория была за домом, но через несколько дней мне открылся новый мир – «округа». Итан, как угорелый, выскакивал из ворот, я – за ним, и мы находили других мальчиков и девочек; они обнимали меня, боролись со мной, отнимали у меня игрушки из пасти и бросали.

– Мой пес Бейли! – с гордостью говорил Итан, приподняв меня. Я начинал извиваться, услышав свое имя.

– Смотри, Челси, – Итан протягивал меня девочке одного с ним роста. – Это золотистый ретривер. Моя мама его спасла; он умирал в машине от тепличного удара. Когда он вырастет, я буду с ним охотиться на дедушкиной ферме.

Челси прижимала меня к груди и смотрела в глаза. У нее были длинные волосы – даже светлее, чем у меня, от нее пахло цветами, шоколадом и другой собакой.

– Милый, милый Бейли, я тебя люблю, – пела она мне.

Челси мне нравилась; едва увидев меня, она опускалась на колени и позволяла тянуть ее за длинные белые волосы. Собачий запах на ее одежде принадлежал Мармеладке – длинношерстной коричнево-белой собаке, старше меня, но еще не взрослой. Когда Челси выпускала Мармеладку со двора, мы боролись часами; а иногда к нам присоединялся Итан – и мы играли, играли, играли.

Когда я жил на Дворе, Сеньора любила меня, но теперь стало ясно, что это была общая любовь – ко всем собакам стаи. Сеньора называла меня Тоби, однако она не шептала мое имя, как шептал ночами на ухо мальчик – «Бейли, Бейли, Бейли». Мой мальчик любил именно меня; мы были центром вселенной друг для друга.

Жизнь на Дворе научила меня убегать через калитку. Это умение привело меня к моему мальчику. Жить с мальчиком, любить его – вот мое предназначение. От самого пробуждения до того момента, когда пора было ложиться спать, мы были вместе.

И тут, разумеется, все изменилось.

7

Моим самым любимым занятием стало учить новые трюки, как называл их мой мальчик; он говорил со мной ободряющим тоном и давал вкусы. Например, «сидеть».

– Сидеть, Бейли, сидеть! – говорил мальчик и наваливался на мой зад, прижимая к земле, а потом давал собачью галету.

– Собачья дверь! Собачья дверь! – Для этого трюка мы выходили в «гараж», где Папа держал машину, и мальчик пропихивал меня через пластиковую створку в боковой двери – на задний двор. Потом звал меня, я носом приоткрывал створку, и Итан давал мне собачью галету!

Я с радостью замечал, что ноги продолжают расти вместе со мной, так что, когда ночи стали прохладнее, я уже не отставал от мальчика, даже бегом.

И вдруг однажды утром трюк с собачьей дверью сильно изменился. Мальчик проснулся рано, почти сразу после рассвета. Мама металась по комнатам.

– Убери Бейли! – крикнула мальчику Мама. Я оторвался от игрушки, которую увлеченно грыз, и заметил кота Смоки, который сидел на полке и смотрел на меня ужасно надменно. Я подобрал игрушку и потряс ее, чтобы Смоки понял, какое развлечение он пропускает из-за своего высокомерия.

– Бейли! – позвал Итан. Он нес мою постель, и я, заинтересовавшись, последовал за ним в гараж. Что это за игра?

– Собачья дверь, – сказал мне мальчик. Я обнюхал его карманы, но никаких галет там не было. Поскольку смысл игры, по моему мнению, состоял в собачьих галетах, я решил отвернуться и задрал лапу на велосипед.

– Бейли! – В голосе я услышал нетерпение и удивленно взглянул на мальчика. – Ты спишь тут, ясно, Бейли? Будь хорошим псом. Если захочешь в туалет, выйдешь через собачью дверь, ясно? Собачья дверь, Бейли. Мне пора в школу. Понял? Бейли, я тебя люблю.

Мальчик обнял меня, а я лизнул его в ухо. Когда он повернулся, я, естественно, пошел за ним, но он не дал мне пройти в дом.

– Нет, Бейли, будешь ждать в гараже, пока я не вернусь. Собачья дверь, ясно, Бейли? Будь хорошим псом.

Он захлопнул дверь у меня перед носом.

«Ждать»? «Собачья дверь»? «Хороший пес»? Что общего у этих слов, которые я так часто слышал, и что значит «ждать»?

Я не видел в этом никакого смысла. Я обнюхал гараж, полный замечательных запахов, но мне не захотелось его исследовать; мне нужен мой мальчик. Я лалял, однако дверь в дом оставалась закрытой; я поцарапал ее. Снова ничего.

Я услышал, как перед домом кричат дети, и подбежал к большой двери гаража – вдруг она поднимется, как бывало, если перед ней стоял мальчик. Ничего не произошло. Какая-то громкая машина унесла голоса детей прочь. Через несколько минут я услышал, как уехала машина Мамы, и тогда мир, полный жизни, радостей и шума, стал невыносимо тихим.

Какое-то время я лалял, но это ничего не дало, хотя я чуял за дверью запах Смоки – ехидного свидетеля моего затруднения. Я поцарапал дверь. Я погрыз какие-то ботинки. Я разбросал свою собачью постель. Я нашел мусорный мешок, полный тряпок, разодрал его, как делала Мать, когда мы охотились за отходами, и разбросал тряпки по гаражу. Я написал в одном углу и накакал в другом. Я опрокинул металлическую емкость и съел несколько кусков курицы, спагетти и вафлю, потом вылизал банку из-под рыбы, которая пахла, как пасть Смоки. Я поел бумаги. Я опрокинул миску с водой и погрыз ее.

Заняться было нечем.

В конце самого длинного дня в моей жизни я услышал, как на дорожку въехала Мамина машина. Хлопнула дверца, и в доме раздались торопливые шаги.

– Бейли! – крикнул мальчик, открывая дверь.

Я бросился к нему вне себя от радости. Но мальчик застыл, оглядывая гараж.

– Ох, Бейли, – сказал он печальным голосом.

Переполненный радостной энергией, я метнулся мимо него и понесся по дому, прыгая через мебель. Я нашел Смоки и гнался за ним по лестнице, и лалял, когда он забился под кровать Мамы и Папы.

– Бейли! – позвала Мама строгим голосом.

– Плохой пес, Бейли, – сердито сказал мальчик.

Меня потрясло несправедливое обвинение. Плохой? Меня по ошибке заперли в гараже, но я готов простить их. С чего же они хмурятся и грозят мне пальцем?

Вскоре я снова был в гараже и помогал мальчику собирать все, с чем я поиграл. Большую часть он отправлял в мусорный бак, который я повалил. Пришла Мама и начала разбирать тряпки; некоторые она отнесла в дом, однако никто не похвалил меня за то, что я нашел эти спрятанные вещи.

– Собачья дверь, – сказал сердито мальчик, не подумав дать угощение. Я начал подозревать, что «собачья дверь» – то же самое, что и «плохой пес»; это меня, мягко говоря, разочаровало.

Очевидно, у всех был трудный день, и я охотно забыл бы неприятный случай, но когда приехал Папа, Мама и мальчик поговорили с ним. Он кричал, и я знал, что он сердится на меня. Я тихонько убрался в гостиную, не обращая внимания на коварную рожу Смоки.

Сразу после ужина Папа и мальчик уехали. Мама сидела за столом и смотрела на бумаги, не отрываясь, даже когда я подошел и положил замечательный мокрый мячик ей на колени.

– Ой, фу, Бейли, – сказала она.

Когда мальчик и Папа вернулись, Итан позвал меня в гараж и показал большой деревянный ящик. Он залез внутрь, я, конечно, за ним, хотя в ящике было жарко и тесно для двоих.

– Бейли, это конура. Твоя собачья конура.

Я не понимал, какое отношение этот ящик имеет ко мне, но охотно согласился играть в «конуру», когда появилось угощение. «Конура» означало «залезть в собачий ящик и скушать галету». Мы делали трюк с конурой и трюк с собачьей дверью, пока Папа ходил по гаражу и раскладывал вещи по полкам, привязывая

веревку на металлический бак. Я был несказанно рад, что в трюке «собачья дверь» снова появилось угощение!

Когда мальчик устал от трюков, мы залезли внутрь, чтобы побороться.

– Пора в кровать, – сказала Мама.

– Ну мам, ну пожалуйста! Я еще поиграю?

– Нам завтра обоим в школу, Итан. Скажи Бейли «спокойной ночи».

Подобные разговоры все время происходили в доме, и я редко прислушивался, но сегодня поднял голову, услышав свое имя, и почувствовал, как изменилось настроение мальчика. Он стоял, опустив плечи, явно опечаленный.

– Ладно, Бейли, пора спать.

Я знал, что значит «спать», но нас ждал новый поворот событий – мальчик вывел меня в гараж и мы снова сыграли в «конуру». У меня получилось замечательно, но тут же я застыл от удивления – мальчик запер меня в гараже, совсем одного.

Я залаял, пытаюсь понять, в чем дело. Это из-за того, что я разбросал собачью постель? Я ведь все равно на ней не спал, она только для вида. Они что, хотят, чтобы я всю ночь провел снаружи, в гараже? Быть не может.

Или может?

От такого расстройств я, не удержавшись, заскулил. Представив, как мальчик лежит в своей постели без меня, совсем один, я так огорчился, что захотелось погрызть ботинки. Я завыл громче, сердце разрывалось на части.

После десяти или пятнадцати минут невыносимого горя дверь гаража скрипнула.

– Бейли, – шепнул мальчик.

Я радостно подбежал к нему. Он принес одеяло и подушку.

– Конура, конура. – Он забрался в конуру, разложил одеяло на тонкой подстилке. Я вошел следом – пара лап осталась торчать наружу. Я со вздохом положил голову мальчику на грудь, а он гладил мои уши.

– Хороший пес, Бейли, – бормотал мальчик.

Немного погодя Мама и Папа открыли дверь дома и стояли, глядя на нас. Я вильнул хвостом, но не стал вставать, чтобы не разбудить мальчика. В конце концов Папа взял Итана на руки, а Мама поманила меня рукой, и мы оба оказались на постели в доме.

На следующий день, как будто мы ничего не усвоили из наших ошибок, я снова оказался в гараже! На этот раз дел было гораздо меньше, хотя я сумел, пусть и с трудом, вытянуть подстилку из конуры и как следует разодрать. Я бросался на мусорный бак, но не смог сбить крышку. На полках нечего было грызть – на тех, по крайней мере, до которых я доставал.

Когда я напал на створку собачей двери, мой нос уловил богатые запахи приближающегося ливня. На Дворе сухая песчаная пыль каждый день обволакивала наши пересохшие языки; там, где жил мой мальчик, было влажнее и прохладнее, и мне нравилось, как смешиваются и меняются запахи во время дождя. Замечательные деревья, усыпанные листьями, затеняли землю везде, где мы гуляли, они задерживали капли дождя, а потом разбрызгивали под ветром. Все было такое восхитительно влажное – даже самые жаркие дни перемежались прохладными ночами.

Манящие запахи тянули мою голову в собачью дверь, и вдруг, совершенно случайно, я оказался в саду – а ведь мальчик не пихал меня!

Охваченный восторгом, я носился с лаем по заднему двору. Получилось так, будто собачья дверь нарочно оказалась тут, чтобы я выскочил во двор из гаража! Я присел и облегчился – мне все больше нравилось делать свои дела снаружи, а не в доме, и не из-за скандалов. Мне нравилось вытирать лапы о лужайку, когда схожу, и оставлять запах пота с подушечек лап на травинках. Гораздо приятнее задирать лапу и помечать границы двора, чем, скажем, угол дивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бойцовый? (исп.)

2

Да. С этим псом будут проблемы (исп.).

----

Купить: [https://tellnovel.com/ru/kameron\\_bryus/zhizn-i-cel-sobaki](https://tellnovel.com/ru/kameron_bryus/zhizn-i-cel-sobaki)

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)